

УДК 821.111(73)

DOI: 10.26907/2782-4756-2026-84-2-145-151

«КРОВЬ И ВРЕМЯ»: «КРОВАВЫЙ МЕРИДИАН» КОРМАКА МАККАРТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЕ

© Ксения Вихрова

“BLOOD AND TIME”: CORMAC MCCARTHY’S “BLOOD MERIDIAN” AND HISTORICAL MEMORY OF THE VIETNAM WAR

Kseniya Vikhrova

“Blood Meridian” by Cormac McCarthy demythologizes the national myth of the American frontier by revisiting the events of the mid-nineteenth century. This historical distance defines the scope of the study and allows the text to be read as a meditation on later collective traumas in U.S. history. The article approaches “Blood Meridian” in light of the transformations of American historical memory of the Vietnam War as reflected in the novel. The study seeks to relate the novel’s demythologization of the frontier experience to the crisis of national identity triggered by the war and to the subsequent reinterpretation of that experience in the discursive strategies of Ronald Reagan. Methodologically, the analysis draws on trauma theory, which makes it possible to view the frontier not as a completed phase of expansion but as a recurring matrix for the legitimation of violence. The analysis shows that in “Blood Meridian” the image of the frontier emerges as a source of collective trauma embedded within the national myth. The novel establishes a historical continuum between the violence of frontier expansion and the experience of the Vietnam War, highlighting the persistence of moral inversion, the dehumanization of the enemy, and the messianic legitimation of aggression. McCarthy’s text thus challenges the notion of American moral exceptionalism and reveals the traumatic dimension of the frontier image within the structure of national self-consciousness.

Keywords: Cormac McCarthy, Blood Meridian, frontier image, Vietnam War, national myth, collective trauma

Роман «Кровавый меридиан» Кормака Маккарти демифологизирует национальный миф об американском фронтире, обращаясь к событиям середины XIX в. Историческая дистанция задает проблемное поле исследования и позволяет рассматривать текст как форму осмысления более поздних коллективных травм США. В данной статье роман «Кровавый меридиан» рассматривается в контексте проявленных в нем трансформаций американской исторической памяти об участии во Вьетнамской войне. Проблематика исследования определяется необходимостью соотнести художественную демифологизацию пограничного опыта с кризисом национальной идентичности, вызванным вьетнамской кампанией, и последующей его переработкой в дискурсивных стратегиях Рональда Рейгана. В качестве методологической основы используются положения теории травмы, позволяющие рассматривать фронтир не как заверченный этап экспансии, а как повторяющуюся матрицу легитимации насилия. В результате проведенного анализа показано, что в «Кровавом меридиане» образ фронта актуализируется как источник коллективной травмы, встроенной в национальный миф, а роман выстраивает исторический континуум между насилием пограничной экспансии и опытом Вьетнамской войны, выявляя устойчивость механизмов моральной инверсии, дегуманизации противника и мессианской легитимации агрессии. Тем самым текст Маккарти проблематизирует представление о моральной исключительности американского исторического опыта и демонстрирует травматическую природу образа фронта в структуре национального самосознания.

Ключевые слова: Кормак Маккарти, «Кровавый меридиан», образ фронта, Вьетнамская война, национальный миф, коллективная травма

Для цитирования: Вихрова К. «Кровь и время»: «Кровавый меридиан» Кормака Маккарти и историческая память о Вьетнамской войне // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 2 (84). С. 145–151. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-84-2-145-151

В историко-культурной традиции США фронтир определяется, с одной стороны, как динамическая граница, маркирующая продвижение колонистов в XVIII–XIX вв. вглубь североамериканского континента, с другой – как символическое пространство, в котором формировались базовые представления о национальной идентичности, свободе и историческом предназначении государства. Концептуальное оформление фронта как ключевого фактора американского опыта на рубеже XIX–XX вв. предложил Ф. Дж. Тернер [1]: согласно его исследованиям, именно фронтир способствовал развитию демократических институтов, индивидуализма и экспансионистского мировоззрения, отделяя американский исторический опыт от европейского. В середине XX в. в трудах школы мифа и символа, получившей название в честь монографии Г. Н. Смита [2], фронтир осмыслился как мифогенное пространство, породившее важнейшие образы в культуре США. Освоение Дикого Запада интерпретировалось как процесс символического обновления, в ходе которого европеец трансформировался в американца, а устойчивыми элементами мифа о границе становились экспансия и фигура отважного пионера-колонизатора.

При этом граница оказывалась пространством физического и символического насилия, направленного на коренное население и ландшафт и выступавшего структурным ядром фронтирного опыта. Как продемонстрировал Р. Слоткин в рамках концепции «возрождения через насилие» [3], американская идентичность формировалась на границе в результате столкновения с Другим, а насилие стало способом реструктуризации субъекта и символического утверждения новой общности. Впоследствии пограничный миф «повлиял на внешнюю политику США, пропитав ее „менталитетом фронта“» [4, с. 435].

В национальной культурной памяти опыт фронтирного насилия был в значительной степени переработан и мифологизирован: оно оказалось встроено в культурный нарратив о прогрессе и «явном предначертании», а затем частично вытеснено или нейтрализовано в популярной культуре. Тем самым фронтир стал объектом политики памяти, в рамках которой травматический опыт колонизации был преобразован в героический миф. Мифологизация создала условия для повторного обращения к фронтирной логике в иных исторических обстоятельствах, уже за пределами XIX в.

С позиций исследований травмы устойчивое возвращение к фронтирной модели в американской культуре продиктовано двусторонней при-

родой явления. Фронтирный опыт является исторически завершенным этапом американской экспансии: Дикий Запад исчез вместе с окончанием освоения территорий. Эта историческая утрата порождает ностальгический импульс: образ фронта ассоциируется со «старой доброй Америкой», овеянной героическими мифами эпохи моральной определенности. Однако образ границы в том виде, в каком он закреплен в национальном мифе, никогда не существовал как эмпирическая реальность и представляет собой то, что можно обозначить как историческую утрату и структурное отсутствие [5]. Миф о цивилизационной миссии скрывает систематическое колониционное насилие и потому оказывается символической конструкцией, призванной закрыть травматическую лауну, которая не может быть полностью артикулирована и интегрирована в коллективный нарратив.

Тема фронта и связанного с ним насилия занимает важное место в творчестве американского прозаика и эссеиста Кормака Маккарти (1933–2023). Значительную часть жизни он провел на юге США, активно работал не только с художественными текстами, но и с историческими источниками и документами [6], что свидетельствует о его внимании к материальной и культурной конкретике изображаемых эпох. Впервые к образу пограничных пространств Маккарти обратился в романе «Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на западе» [7], опубликованном в 1985 г. и ставшем объектом многочисленных исследований [8], [9], [10], [11], [12].

«Кровавый меридиан» основан на переработке плутовской автобиографии отставного военного Сэмюэля Чемберлена и повествует о событиях середины XIX в. Главный герой – безымянный юноша – присоединяется к банде охотников за скальпами под предводительством капитана Джона Глэнтонна. Головорезов нанимают мексиканские губернаторы для борьбы с коренным населением, однако очень быстро пограничная зона превращается в пространство всеобщего и неконтролируемого насилия. Центральной фигурой текста становится демонический судья Холден – апологет войны как универсального принципа человеческого существования.

В предыдущем исследовании, посвященном «Кровавому меридиану» [13], было показано, что в романе осуществляется художественная демифологизация фронта: текст обнажает логическую связку фронта и насилия. Маккарти разрушает представление о границе как пространстве свободы, формирования (обновления) идентичности, показывая ее как источник коллектив-

ной травмы США. Однако возникают вопросы, выходящие за рамки анализа фронтирного мифа: почему Маккарти обращается к этому сюжету именно в 1980-е гг.? Каким образом роман о пограничном насилии XIX в. соотносится с историческим опытом США второй половины XX в. и изменением дискурса национальной памяти? Ответы на эти вопросы требуют учета исторического контекста создания романа и позволяют рассматривать «Кровавый меридиан» не только как ревизионистскую интерпретацию фронтирного мифа, но и как реакцию на более поздние формы проявления насилия в истории США, что определяет актуальность данного исследования.

Пограничные события создали травматическое измерение, которое актуализируется в форме символического повторения и переработки [12]. Исследовательская гипотеза заключается в том, что вытесненную память о фронтирном насилии – прежде всего в форме модели его оправдания – активировал травматический опыт участия США во Вьетнамской войне, поколебавший базовые мифы национальной идентичности, в частности представление о моральной правоте экспансии, легитимизирующей применение силы. Первоначально американское участие в конфликте нередко интерпретировалось как миссия по защите свободы, вмешательство в дела страны, нуждающейся в «руководстве», однако масштаб насилия и разрушений, внутренние протесты в США и моральная дезориентация общества привели к возникновению того, что позднее было обозначено как «вьетнамский синдром». Представляется, что наиболее отчетливая стратегия его преодоления была реализована в публичном дискурсе Рональда Рейгана, занимавшего пост президента США в 1981–1989 гг. Ключевые положения его риторики обнаруживают структурные параллели с идеологическими моделями, представленными в «Кровавом меридиане».

Таким образом, цель работы – выявить, каким образом фронтирный сюжет XIX в. в романе функционирует как модель интерпретации Вьетнамской войны и как текст вступает в полемику с риторикой реабилитации военного насилия и преодоления «вьетнамского синдрома» в восьмидесятые годы XX в. Научная новизна исследования заключается в использовании теории коллективной травмы и во включении положений политической риторики Рейгана в контекст анализа.

Исследователи творчества Маккарти уже отмечали возможность интерпретировать роман как аллегорическую репрезентацию американского участия во Вьетнамской войне [9, с. 123], подчеркивая сходство между дискурсом, описы-

вающим военные преступления во Вьетнаме, и языком повествования о действиях банды Глэнтонна, а также указывая на идеологическую преемственность между экспансионистской логикой XIX в. и военным вмешательством США во второй половине XX в. [10, с. 49]. В данном контексте образ безымянного юноши приобретает репрезентативное значение и может рассматриваться как художественный аналог американского солдата, вовлеченного в военные действия без устойчивой идеологической идентификации и целостной системы аксиологических координат [8, с. 596].

Уже в начальных эпизодах романа акцентируется предрасположенность юноши к насилию, «*a taste for mindless violence*» [7, с. 3]. Это его изначальное свойство характера, предшествующее формированию каких-либо убеждений. Эпизод в таверне, в котором герой провоцирует конфликт и чуть не убивает человека, задает модель, впоследствии воспроизводимую во все более радикальной форме. Насилие в романе носит не эпизодический, а системный и кумулятивный характер: каждый акт жестокости не завершает, а, напротив, инициирует последующие вспышки, отличающиеся возрастающей интенсивностью и степенью деструктивности. В результате насилие приобретает свойства самовоспроизводящегося процесса.

Присоединяясь к отряду, юноша становится частью организованной системы, которая определяет логику его действий. Попытка противостоять этой системе приводит, предположительно, к его гибели от рук судьбы Холдена. Как отмечает Ш. Биан, это соотносится с образом рядового солдата в условиях Вьетнамской войны: субъект утрачивает автономность и превращается в элемент военного механизма [8], что способствует разрушению смысловых оснований коллективной идентичности, основанной на идеале индивидуализма.

Эпиграфы к «Кровавому меридиану» показывают, как насилие функционирует в историческом, метафизическом и антропологическом аспекте. Строки из эссе французского поэта Поля Валери, написанного под впечатлением от японо-китайской войны, подчеркивают внутреннюю противоречивость западного человека, разрывающегося между жалостью и жестокостью, насилием, совершаемым «*with no calm, as if they were irresistible*» [7, с. 2], а не по здравому размышлению. Так подрывается рационалистическая модель войны как инструмента политической или цивилизационной трансформации: насилие оказывается симптомом внутреннего кризиса субъекта, утрачивающего устойчивое целеполагание.

Во втором эпиграфе, принадлежащем саксонскому теософу и мистика Якобу Беме, утверждается, что «*death and dying are the very life of the darkness*» [Там же, с. 2] и эта смерть не сопровождается скорбью. Так устраняется возможность этической дистанции по отношению к насилию: смерть предстает онтологической нормой, а война становится проявлением фундаментального космического порядка, что соответствует логике судьбы Холдена. Третий эпиграф – фрагмент газетной заметки об археологической находке в Северной Эфиопии – свидетельствует о биологической и культурной укорененности насилия, сопутствующего человечеству на протяжении всей истории. Тем самым разрушается миф о формировании нового человека на новом континенте, поскольку он несет с собой не поддающееся историческому преодолению насилие. Так применение силы лишается телеологического измерения, перестает рассматриваться как средство цивилизационного становления и формирования национальной идентичности и, напротив, демонстрирует неизменную природу человека и в доисторическую эпоху, и в новейшее время.

Особенно показательно, что сцены массовых убийств в «Кровавом меридиане» по своей визуальной и аффективной структуре воспроизводят те же механизмы репрезентации насилия, которые характерны для документальных свидетельств военных преступлений армии США во Вьетнаме. Банда Глэнтоната уничтожает именно тех, кого призвана защищать, «*reeking with the blood of the citizenry for whose protection they had contracted*» [Там же, с. 2], демонстрируя разрыв между декларируемой миссией и реальной практикой насилия. Это находит историческую параллель в событиях в Сонгми в 1968 г., когда подразделение под командованием Уильяма Келли уничтожило несколько сотен безоружных мирных вьетнамцев, включая женщин и детей [14, с. 216]. Как и в повествовании Маккарти, убийства сопровождалась последовательными издевательствами над жертвами. Принципиально важным оказывается характер художественной детализации: подчеркнутая телесность, фрагментация тел и серийность актов жестокости формируют эффект, сопоставимый с визуальным свидетельством фотографий из Вьетнама.

Как отмечает Б. Оуэнс, многие сцены романа вызвали сильный отклик у аудитории послевоенной эпохи потому, что они резонировали с коллективной памятью о военных преступлениях [11, с. 24]. Характерный для текста мотив коллекционирования трофеев – ожерелье из ушей Дейви Брауна, связки скальпов – обнаруживает прямые исторические параллели в действиях

американских военнослужащих, описанных, в частности, в расследовании деятельности подразделения «Тайгер Форс» [14, с. 62].

Масштабные внешнеполитические события неизбежно интернализируются, становясь предметом внутренней политики, что отражается на состоянии национальной культуры, и «Кровавый меридиан» можно интерпретировать как художественный ответ Маккарти на политический и идеологический дискурс США конца 1970-х – 1980-х гг., направленный на преодоление «вьетнамского синдрома». В публичных выступлениях, в частности перед «Ветеранами зарубежных войн», Рональд Рейган трактовал данный «синдром» как нежелание американского общества поддерживать внешнеполитические военные интервенции, а также как проявление неоправданного чувства вины за события во Вьетнаме, настаивая на том, что военное участие США было «*a noble cause*» [15], и возлагая ответственность за конфликт исключительно на Северный Вьетнам.

Риторика Рональда Рейгана обнаруживает сходство с речью капитана Уайта в романе Маккарти. Капитан Уайт – офицер-авантюрист, набирающий добровольцев для экспедиции против мексиканцев. Он появляется в начале романа и выступает как харизматичный вербовщик, обещающий юноше славу и территориальные завоевания, а его речь, пронизанная антимериканской империалистической риторикой, демонстрирует безумие мессианизма:

«What we are dealing with... a mongrel race... There is no government in Mexico. Hell, there's no God in Mexico. Never will be. We are dealing with a people manifestly incapable of governing themselves. And do you know what happens with people who cannot govern themselves? That's right. Others come in to govern for them» [7, с. 36].

В образе капитана Уайта Маккарти показывает переход от упорядоченных военных действий, предшествовавших событиям романа, к анархии, которую воплощает банда охотников за скальпами. Уайт – первая стадия деградации патриотизма. Он олицетворяет иллюзии и фанатизм колонизаторского мировоззрения: его образ показывает, как идеалы цивилизации и прогресса могут служить оправданием для насилия и хаоса. Капитан стремится к личной славе и национальному величию, но лишен осознания реальности: его армия плохо подготовлена, а он сам поглощен собственной пропагандой. В результате экспедиция Уайта заканчивается катастрофой: мексиканская кавалерия разбивает его отряд, почти все участники погибают или попадают в плен.

Впоследствии юноше на мексиканской ярмарке предлагают бутылку с заспиртованной в мескале головой капитана, но тот отрекается от бывшего командира. Гибель Уайта символизирует крах иллюзий американского экспансионизма и предвосхищает эпизоды жестокости в последующих главах романа.

Ключевая структурная параллель между монологом капитана Уайта и речью Рейгана заключается в том, что они организованы вокруг нарратива «украденной победы» – представления о том, что американские солдаты не проиграли на поле боя, а были преданы политическими элитами и стали жертвами идеологической слабости собственной страны. У капитана Уайта американских солдат страна «продала» их: «*They were sold out. Fought and died down there in that desert and then they were sold out by their own country*» [7, с. 35]; поражение объясняется не сопротивлением мексиканцев, а слабостью и нерешительностью политического центра. В речи Рейгана поражение представлено результатом пропагандистской победы противника внутри США: «*It was to win in the field of propaganda here in America what they could not win on the field of battle in Vietnam*» [15]; вина переносится в плоскость внутриполитической жизни. В результате сохраняется представление о моральной правоте применения насилия, проявление агрессии трансформируется в акт освобождения.

Обе речи реализуют классический механизм, описанный в исследованиях травмы как моральная инверсия [16], в рамках которой субъект насилия превращается в субъект травмы, агрессор – в жертву. У капитана Уайта США представлены как жертва варварства мексиканцев, неспособных к самоуправлению, предательства американских политиков, у Рейгана – несправедливых обвинений, пропаганды, собственного чувства вины. Завоевательная экспансия интерпретируется как акт защиты и восстановления справедливости. Обе речи используют мессианскую структуру для легитимации насилия. У капитана Уайта американцы должны стать «*the instruments of liberation in a dark and troubled land*» [7, с. 37]. У Рейгана Америка помогала защитить свободу стране, которая «*sought our help in establishing self-rule and the means of self-defense against a totalitarian neighbor bent on conquest*» [15]. Обе речи создают образ противника, не обладающего полной субъектностью, тем самым дегуманизируя его ради легитимизации насилия. У капитана Уайта это выражено прямо, у Рейгана – мягче, но логика та же: Северный Вьетнам представлен как агрессор и источник пропагандистской угрозы; американское вмешательство – как реакция на

эту угрозу. Кроме того, обе речи направлены не на описание прошлого, а на формирование будущего действия. Функция речи капитана Уайта заключается в том, чтобы превратить слушающего его юношу в участника насилия, Рейгана – восстановить готовность к военному действию после Вьетнама. В этом смысле обе речи перформативны: они не описывают реальность, а производят ее.

Таким образом, Капитан Уайт в XIX в. формулирует те же аргументы, что и Рейган, и это создает эффект исторической непрерывности: риторика политика соответствует фронтальной модели оправдания насилия, представленной в «Кровавом меридиане». Роман Маккарти вступает в принципиальную полемику с этой риторикой посредством демонстрации сущности войны как таковой, обнажает структуру насилия, лежащую в основании как фронтального мифа, так и империалистического дискурса. Маккарти показывает, что попытка «реабилитировать» войну как морально оправданное предприятие неизбежно вытесняет травматический опыт и воспроизводит условия для его повторения.

При этом позиция Маккарти не сводится к пацифистской утопии. В интервью он отмечал:

«There's no such thing as life without bloodshed... the notion that the species can be improved in some way, that everyone could live in harmony, is a really dangerous idea. Those who are afflicted with this notion are the first ones to give up their souls, their freedom. Your desire that it be that way will enslave you and make your life vacuous» [17].

Это высказывание о неизбежности кровопролития как условия существования человеческой жизни отсылает к идее Гераклита о войне как фундаментальном принципе жизни и развития [6, с. 222]. В «Кровавом меридиане» война предстает как разрушительная сила, обнажающая пределы любых утопических проектов, в том числе идеи окончательного «очищения» истории от насилия; критике подвергаются идеи о возможности рационального контроля над конфликтом.

Таким образом, роман Кормака Маккарти «Кровавый меридиан» демонстрирует, что фронтальное насилие XIX в. и участие США во Вьетнамской войне связаны не только идеологической преемственностью, но и общей структурой коллективной травмы. Проведенный анализ показывает, что «Кровавый меридиан» можно рассматривать как художественную реакцию на кризис американской идентичности, вызванный Вьетнамской войной, и последующую попытку его преодолеть в публичной риторике Рональда Рейгана. Структурные параллели между речью

капитана Уайта и выступлениями Рейгана – нарратив «предательства», перенос вины во внутриполитическую сферу, мессианская модель освобождения, моральная инверсия (агрессор как жертва) и перформативная направленность речи – свидетельствуют о сохранении фронтальной логики оправдания насилия в политическом дискурсе конца XX в. Так роман Маккарти вступает в принципиальную полемику с неоконсервативной стратегией «реабилитации» войны. Радикально демифологизируя фронт и обнажая онтологическую автономию насилия, сопутствующего человечеству на протяжении всей истории, текст не позволяет интегрировать травматический опыт в героический нарратив американской нации. «Кровавый меридиан» фиксирует тот момент, в котором вытесненная память о колониальном насилии возвращается в коллективной травме Вьетнамской войны, обнаруживая историческую непрерывность между фронтиром и конфликтами второй половины XX в.

Исследование выполнено за счет гранта СПбГУ GZ_F_2026: «Измеряя традицию: квантитативная диакрония в общей и лингвистической поэтике», ID 140123808.

Список источников

1. Turner F. J. The significance of the frontier in American history. Mansfield Centre: Martino fine books, 2014. 32 p.
2. Smith H. N. Virgin land: the American West as symbol and myth. Cambridge: Harvard University Press, 1950. 336 p.
3. Slotkin R. Regeneration through violence: the mythology of the American frontier, 1600–1860. Middletown: Wesleyan University Press, 1973. 670 p.
4. Ноултон К. Земля ковбоев. Настоящая история Дикого Запада. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. 508 с.
5. LaCapra D. Trauma, absence, loss // Critical Inquiry. 1999. Vol. 25. № 4. P. 696–727.
6. Crews M. L. «Books are made out of books»: a study of influence from the Cormac McCarthy archives: dis. ... PhD. Waco, 2014. 251 p.
7. McCarthy C. Blood meridian, or the evening redness in the West. Picador: London, 2015. 384 p.
8. Bian Sh. The historical writing of «Blood meridian» // International Journal of English Literature and Social Sciences. 2025. Vol. 10. Issue 4. P. 592–597.
9. Brewton V. The changing landscape of violence in Cormac McCarthy's early novels and «The border trilogy» // The Southern Literary Journal. 2004. Vol. 37. № 1. P. 121–143.
10. Herr M. Dispatches. New York: Vintage, 1991. 272 p.
11. Owens B. Cormac McCarthy's western novels. Tucson: University of Arizona Press, 2000. 137 p.

12. Stratton B. J. «El brujo es un coyote»: taxonomies of trauma in Cormac McCarthy's «Blood meridian» // Arizona Quarterly. 2011. Vol. 67. № 3. P. 151–172.

13. Вихрова К. А. Возрождение через (не)насилие: культурная травма границы в романе К. Маккарти «Кровавый меридиан» // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 3 (69). С. 70–75. URL: <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-70-75> (дата обращения: 20.02.2026).

14. Sallah M., Weiss M. Tiger force: a true story of men and war. London: Hodder and Stoughton, 2006. 416 p.

15. Reagan R. Address in Chicago, August 18. 1980. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v01/d8> (дата обращения: 20.02.2026).

16. Alexander J. C. Culture trauma, morality and solidarity // Thesis Eleven. 2016. Vol. 132. Issue 1. P. 3–16.

17. Woodward R. B. Cormac McCarthy's venomous fiction // The New York Times. 1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/04/19/magazine/cormac-mccarthy-s-venomous-fiction.html> (дата обращения: 20.02.2026).

References

1. Turner, F. J. (2014). *The Significance of the Frontier in American History*. 32 p. Mansfield Centre, Martino Fine Books. (In English)
2. Smith, H. N. (1950). *Virgin Land: The American West as Symbol and Myth*. 336 p. Cambridge, Harvard University Press. (In English)
3. Slotkin, R. (1973). *Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860*. 670 p. Middletown, Wesleyan University Press. (In English)
4. Knowlton, Ch. (2025). *Zemlya kovboev. Nastoyashchaya istoriya Dikogo Zapada* [Cattle Kingdom: The Hidden History of the Cowboy West]. 508 p. Moscow, Al'pina non-fikshn. (In Russian)
5. LaCapra, D. (1999). *Trauma, Absence, Loss*. Critical Inquiry. Vol. 25, No. 4, pp. 696–727. (In English)
6. Crews, M. L. (2014). «Books are Made out of Books»: A Study of Influence from the Cormac McCarthy Archives: Ph.D. Thesis. Waco, 251 p. (In English)
7. McCarthy, C. (2015). *Blood Meridian, or The Evening Redness in the West*. 384 p. London, Picador. (In English)
8. Bian, Sh. (2025). *The Historical Writing of «Blood Meridian»*. International Journal of English Literature and Social Sciences. Vol. 10, Issue 4, pp. 592–597. (In English)
9. Brewton, V. (2004). *The Changing Landscape of Violence in Cormac McCarthy's Early Novels and «The Border Trilogy»*. The Southern Literary Journal. Vol. 37, No. 1, pp. 121–143. (In English)
10. Herr, M. (1991). *Dispatches*. 272 p. New York, Vintage. (In English)
11. Owens, B. (2000). *Cormac McCarthy's Western Novels*. 137 p. Tucson, University of Arizona Press. (In English)
12. Stratton, B. J. (2011). «El Brujo es un Coyote»: Taxonomies of Trauma in Cormac McCarthy's «Blood

Meridian". Arizona Quarterly. Vol. 67, No. 3, pp. 151–172. (In English)

13. Vikhrova, K. A. (2022). *Vozrozhdenie cherez (ne)nasilie: kul'turnaya travma granitsy v romane K. Makkarti "Krovavyy meridian"* [Regeneration through (Non)Violence: A Cultural Trauma of the Frontier in C. Mccarthy's "Blood Meridian"]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 3 (69), pp. 70–75. URL: <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-70-75> (accessed: 20.02.2026). (In Russian)

14. Sallah, M., Weiss, M. (2006). *Tiger Force: A True Story of Men and War*. 416 p. London, Hodder and Stoughton. (In English)

15. Reagan, R. (1980). *Address in Chicago, August 18*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v01/d8> (accessed: 20.02.2026). (In English)

16. Alexander, J. C. (2016). *Culture Trauma, Morality and Solidarity*. Thesis Eleven. Vol. 132, Issue 1, pp. 3–16. URL: <https://doi.org/10.1177/0725513615625> (accessed: 20.02.2026). (In English)

17. Woodward, R. B. (1992). *Cormac McCarthy's Venomous Fiction*. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1992/04/19/magazine/cormac-mccarthy-s-venomous-fiction.html> (accessed: 20.02.2026). (In English)

The article was submitted on 05.04.2026

Поступила в редакцию 05.04.2026

Вихрова Ксения Александровна,
старший преподаватель,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
имени А. Л. Штиглица,
191028, Россия, Санкт-Петербург,
Соляной, 13;
лаборант-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9.
r2654256@gmail.com

Vikhrova Kseniya Aleksandrovna,
Assistant Professor,
St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art
and Design,

13 Solyanoy Ln.,
St. Petersburg, 191028, Russian Federation;
Research Assistant,
St. Petersburg State University,

7/9 Universitetskaya Emb.,
Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.
r2654256@gmail.com